

Г. М. Бонгард-Левин

ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И МАТЕРИАЛИЗМ.
АРЬЯБХАТА И ЛОКАЯТИКИ

Индийская традиция повествует о том, что при дворе знаменитого гуптского царя Чандрагупты II, носившего почетный титул Викраматитья — «Солнце могущества», находились «девять драгоценностей», которые составили славу древней Индии — писатели, драматурги и поэты Калидаса, Кшапанакка, Шанку, Веталабхата, Гхатакарпара, врач Дханвантари, лексикограф Амарасинха, астролог и астроном Варахамира, грамматик Вараручи. Это средневековое свидетельство не соответствует реальным историческим фактам: некоторые из перечисленных здесь деятелей литературы и науки жили раньше или позднее царствования Чандрагупты II (конец IV — начало V в. н. э.). Не справедлива эта официальная традиция и в другом отношении: в числе «девяти драгоценностей» мы не находим имени Арьябхаты (род. в 476 г. н. э.) — астронома и математика, но именно он был одним из самых выдающихся ученых гуптской эпохи и оставил наиболее заметный след в развитии древнеиндийской науки в целом. Труды Арьябхаты анализировали и цитировали почти все крупные индийские ученые древности и средневековья, в том числе и упомянутый среди «драгоценностей» Варахамира. В своем сочинении Арьябхата специально отмечал, что он излагает науку, «которая очень почитается в Кусумапуре»¹ (одно из названий Паталипутры — столицы Гуптской империи). Вполне возможно, что ученый лично посетил Паталипутру — крупнейший культурный центр древней Индии, где ознакомился с астрономическими и математическими трактатами своих предшественников и современников. Трудно предполагать, что труды Арьябхаты могли остаться незамеченными, что придворный хронист даже послегуптской эпохи не знал о научных открытиях своего соотечественника. Чем же объяснить тогда забвение Арьябхаты официальной традицией? Случайной или преднамеренной была эта странная «забывчивость» тех, кто составлял список «девяти драгоценностей»?

Самым простым оправданием мог бы явиться тот факт, что Арьябхата родился в Декане, в области Ашмака², т. е. вдали от центра Гуптской

¹ «Гангатапада», 1 (Kusumapure'bhyarcitam) см. The Āryabhaṭīya of Āryabhaṭācārya with the Bhāṣya of Nilakanṭhasomasvatvan, ed. by K. Sāmbāśiva Śāstri, pt. 1, Trivandrum, 1930, стр. 1.

² В течение длительного времени на основании упоминания Арьябхатой Кусумапуры («Garīta», 1) ученые считали его уроженцем Паталипутры. Однако исследования трудов Бхаскары и его комментаторов, где Арьябхата называется ашмака (т. е. житель Ашмаки), позволили пересмотреть старую точку зрения. В южноиндийских астроно-

империи. В течение многих десятилетий гуптские цари враждовали с правителями Декана, стараясь, часто и не без успеха, распространить свое влияние на эти районы страны. Однако, когда могущественная империя Гуптов стала испытывать серьезные политические трудности, ее правители старались установить дружеские отношения с династией Вакатаков, в государство которых входила и Ашмака — родина Арьябхаты³. Более того, нам известно о браке вакатакского царевича с дочерью Чандрагупты II Викрамадитьи. В этот период влияние Гуптов резко усилилось. Заметно оживились культурные контакты Севера и Юга, поэтому объяснить «ошибку» хрониста отдаленностью Ашмаки или культурной изолированностью Декана от Северной Индии в позднегуптский период нет никаких оснований.

Гуптская эпоха, как известно, была временем интенсивных поисков в духовной жизни древней Индии. В первые века н. э. широкое распространение получает буддизм махаяны, складываются буддийские школы мадхьямиков и йогачаров, выдающийся философ Нагарджуна разрабатывает свое учение о *шуньяте*. Однако в гуптскую эпоху буддизм утрачивает свое влияние в Индии и вместе с тем возрождается и укрепляется индуизм, оказывавший все большее воздействие на различные сферы духовной культуры. Оформляются ортодоксальные философские направления, признающие основные концепции индуизма; они ведут открытую полемику с неортодоксальными течениями, решительно выступавшими против брахманских догм и незыблемого авторитета «священных» текстов-вед, смрити, пуран. «Философия всегда считается светильником для всех наук... опорой всех установлений», — писал Каутилья⁴. Научные концепции, выдвигавшиеся ученым, были непосредственно связаны с его идейной позицией. Это особенно ярко проявлялось в астрономических работах. «Астрономия, — писал Бируни, блестящий знаток древнеиндийской науки, — самая знаменитая наука среди индийцев вследствие того, что с ней связаны дела их религии»⁵. Ознакомление с трудом Арьябхаты «Арьябхатией» и сочинениями других древнеиндийских астрономов, подробно излагавших его идеи, позволяет судить о философской позиции Арьябхаты и его последователей.

Установление философского кредо крупнейшего древнеиндийского ученого имеет существенное значение не только для общей оценки творческого пути Арьябхаты, но прежде всего для изучения истории древнеиндийской науки и культурного развития страны. Это поможет, как нам кажется, понять и причину забвения имени Арьябхаты ортодоксальной традицией. К сожалению, во всех специальных работах, посвященных древнеиндийской математике и астрономии, и общих трудах по истории и культуре древней Индии не делалось попыток уяснить общую идейную позицию Арьябхаты, а если и давалась оценка творчества ученого, то он, как правило, характеризовался последователем общих традиционных установлений, хотя и признавался его новаторский подход к решению ряда важнейших проблем астрономии и математики. Так, например, в извест-

мических текстах труд Арьябхаты называется «*Āsmaka-sphuṭa-tantra*» (см. A Concise History of Science in India, ed. by D. M. Bose, S. N. Sen, B. V. Subbarayappa, New Delhi, 1971, стр. 93). Поздний комментатор «Арьябхатии» Нилакантха также говорит об Арьябхате как уроженце страны Ашмака (*āsmakajanapadajāta āryabhata-caryah*) — см. The Aryabhatīya..., ed. by K. Sambaśiva Śāstri, Введение, стр. 1.

³ Подробно см. The Vākātaka-Gupta Age, ed. by R. Ch. Majumdar, A. S. Altekar, Banaras, 1954.

⁴ «Артхашастра», I, 2 («Артхашастра или наука политики», пер. с санскрита, М.—Л., 1959, стр. 17).

⁵ Бируни Абу Рейхан, Индия. Избранные произведения, т. II, Ташкент, 1963, стр. 161.

ном труде «Эпоха Вакатаков и Гуптов», изданном под редакцией крупнейших индийских историков Р. Ч. Маджумдара и А. С. Альтекара, говорится: «Нет сомнений в том, что Арьябхата уважал шрути, смрити, пураны»⁶. Однако уже в древности, а затем и в средневековье взгляды Арьябхаты подверглись критике индийскими астрономами и математиками, особенно Брахмагуптой (VII в. н. э.). Об этом хорошо было известно и Бируни, который в своем труде «Индия» привел многие высказывания Брахмагупты, направленные против Арьябхаты и его непосредственных последователей. Исследователи истории индийской науки упоминают об этой критике и нередко объясняют позицию Брахмагупты его особой ортодоксальностью, но основной вопрос, который невольно должен был быть поставлен и разрешен, — в чем же причина суровых нападок Брахмагупты и какова была идейная позиция Арьябхаты, послужившая поводом для критики ортодоксально мыслящих ученых, — выпадал из поля зрения индологов. Объяснение критики Брахмагупты в новом солидном труде по истории индийской науки, изданном Индийской национальной Академией наук под редакцией Д. Бозе, С. Сена и Б. Суббараяшны, кажется более чем наивным: «Критика взглядов Арьябхаты становится понятной, — пишут упомянутые ученые, — если мы вспомним, что Брахмагупта написал свой труд в тридцатилетнем возрасте, когда он был ревностным сторонником ортодоксальных взглядов»⁷.

Обратимся непосредственно к единственно дошедшему до нас труду Арьябхаты — «Арьябхатия», написанном в 499 г. н. э. В нем изложены взгляды ученого по многим вопросам астрономии и математики, высказаны новые смелые идеи и гениальные догадки, далеко опередившие его эпоху и предвосхитившие открытия ученых нового времени. В разделе «Сфера» (Gola) мы находим исключительно важное свидетельство, позволяющее, как нам кажется, ясно судить об общей концепции ученого.

| vṛttabhapañjaramadhye kaksyāparivēṣhitāḥ khamadhyagataḥ |
| mṛjjalaśikhivāyumayo bhūgōlassarvatovṛttaḥ ||⁸

«Сфера Земли, будучи совершенно круглой, расположена в центре (мирового) пространства (или в центре небес) и в центре круглого небесного свода, окруженная орбитой планет, состоит из земли, воды, огня и воздуха».

Итак, согласно Арьябхате, сфера Земли состоит из четырех элементов. Принадлежность этого положения именно Арьябхате подтверждается и комментарием на «Арьябхатию» Парамешвары — средневекового астронома, жившего в конце XIV — в начале XV в. Однако у Варахамихиры в «Панчасиддхантике» (XIII, 1) говорится о пяти больших (физических или «грубых») элементах (mahābhūta), составляющих сферу Земли:

pañcamahābhūtamayastārāṅapapañjaro mahigolaḥ
khe 'yaskāntāntastho loha ivāvasthito vṛttaḥ⁹

⁶ The Vākātaka-Gupta Age, стр. 383.

⁷ См. A Concise History of Science in India, стр. 96.

⁸ Здесь и далее текст «Арьябхатии» дается по изданию X. Керна (The Aryabhatīya with the Commentary Bhaṭadīpikā of Paramādiśvara, ed. by H. Kern, Leiden, 1874).

Уже после того как статья была сдана в печать, автор ознакомился с новым изданием текста «Арьябхатии» и некоторых комментариев: Aryabhatīya Critical Edition Series, New Delhi, 1976 (pt. 1. Aryabhatīya, Critically edited with Introduction, English Translation, Notes, Comments and Indexes, by K. S. Shukla and K. V. Sarma; pt. 2. Aryabhatīya, with the Commentary of Bhaskara and Someśvara, Critically edition with Introduction and Appendices by K. S. Shukla; pt. 3. Aryabhatīya, with the Commentary of Śūryadeva Yajvan, Critically Edition with Introduction and Appendices by K. V. Sarma).

⁹ The Pañcasiddhāntikā of Varāhamihira, pt. I, København, 1970, стр. 109. Варахамира упоминает о пяти элементах и в «Брихатсамхите» (гл. I.XVIII, 94, 108 и далее).

«Сфера Земли, состоящая из пяти больших элементов, расположена в сети созвездий в (мировом) пространстве, подобно круглому железному бруску, находящемуся у края магнита».

В «Васиштха-сиддханте», существовавшей уже в I в. н. э. (о ней упоминает, в частности, «Явана-джатака», составленная в III в. н. э.)¹⁰, говорится: «Земля, состоящая из пяти больших элементов (mahābhūta), расположена в центре пространства космического яйца (jagadaṇḍa)»¹¹. Интересно, что Бируни, прекрасно знавший астрономические труды индийских ученых, приводит свидетельство Арьябхаты о четырех, а Васиштхи и Латы — о пяти элементах¹². Комментатор X в. Бхаттопала, цитируя «Паулипасиддханту», также полагал, что Земля состоит из пяти больших элементов (pañcamahābhūta)¹³.

Таким образом, Арьябхата в противоположность общепринятой традиции, которой следовали индийские астрономы поздней древности и средневековья, выступал с концепцией четырех элементов как составных частей Земли и ее сферы, т. е. отрицал существование эфира (ākāśa) в качестве особого самостоятельного природного элемента. Когда в начале прошлого столетия Х. Кольбрук приступил к изучению индийских астрономических трактатов и познакомился с рукописями «Арьябхати», он обратил внимание на свидетельство Арьябхаты о четырех элементах, высказав при этом мнение о влиянии на позицию древнеиндийского учения джайнов и буддистов¹⁴. Позднее Х. Керн — первый издатель «Арьябхати» — выступил против такой интерпретации и выдвинул идею о заимствовании Арьябхатой теории четырех элементов от греков¹⁵. В последующий период на указанное свидетельство Арьябхаты не обращалось внимания. Так, оно осталось непрокомментированным в переводе В. Кларка (1930)¹⁶; американский ученый Д. Пингри — крупный специалист по истории индийской астрономии — в своем издании «Панчасиддхантики» не сопоставил высказывание Варахамихиры о пяти элементах со свидетельством Арьябхаты, хотя именно в этом положении древнеиндийских астрономов были кардинально различны (общий же смысл отрывков схож).

Трактовки Х. Кольбука и Х. Керна вряд ли могут быть приняты. Рассматривая концепцию буддистов об элементах, можно указать, что лишь позднихаянские школы вайбхашиков и саутрантиков, школы родственные сарвастивадинам, признавали реальность четырех элементов (bhūta) — земли, воды, огня и воздуха — и отрицали реальность эфира (ākāśa). В более ранний период сторонники *тхеравады* не столь решительно были настроены против существования эфира в качестве одного из элементов материального мира и иногда включали его в число *махабхут*¹⁷. Еще более сложным было отношение джайнов к *акаше*. Они допускали существование эфира (ākāśa) как части неодушевленной природы, хотя *пудгала* (усл. материя), согласно джайнской философии, включала четыре

¹⁰ D. Pingree, A Greek Linear Planetary Text in India, JAOS, v. 79, 1959, стр. 282—284.

¹¹ См. The Pañcasiddhāntikā, т. I, стр. 11.

¹² «Арьябхата рассматривает (как устроен мир) и говорит, что он состоит из земли, воды, огня и ветра... Точно так же Васиштха и Лата говорят, что пять элементов, а именно: земля, вода, огонь, ветер и небо» (Бируни, Индия, стр. 248).

¹³ См. H. Kern, On Some Fragments of Aryabhata, JRAS, vol. XX, № 2, 1863, стр. 374.

¹⁴ H. T. Colebrooke, Miscellaneous Essays, vol. II, L., 1873.

¹⁵ См. Kern, On Some Fragments..., стр. 374.

¹⁶ См. The Aryabhatīya of Aryabhata, An Ancient Indian Work on Mathematics and Astronomy, tr. with Notes by W. E. Clark, Chicago, 1930.

¹⁷ См. подр. В. Вара, A History of Pre-buddhistic Indian Philosophy, Delhi, 1970.

элемента (земля, вода, огонь, воздух)¹⁸. Несмотря на определенное сходство концепции Арьябхаты о четырех элементах (земли, воды, огня, воздуха), из которых состоит сфера Земли, со взглядами поздних хинаянистов-вайбхашиков и джайнов, у нас нет достаточных оснований вслед за Х. Кольбруком говорить о влиянии этих систем на Арьябхату. В его труде мы не находим никаких данных, говорящих в пользу такого предположения¹⁹.

Еще менее обоснованным представляется толкование Х. Керна о заимствовании Арьябхатой теории четырех элементов от греков, хотя древнеиндийский ученый, как свидетельствует его сочинение, был знаком с некоторыми астрономическими теориями античности (прежде всего с трудами александрийских астрономов).

Арьябхата, как известно, опирался на более раннюю местную астрономическую традицию²⁰, никак не связанную с учениями буддистов, джайнов и сложившуюся независимо от античной науки. Оставляя пока в стороне вопрос о степени влияния на Арьябхату брахманистских концепций, укажем, что в «Арьябхатии» встречается несколько свидетельств «брахманского круга» представлений, несовместимых с буддийской и джайнской доктринами. Так, например, трактат открывает традиционным обращением к Брахману, Брахман упоминается и в начале второго раздела, посвященного математике, — «Ганитапада», в третьем разделе «Калакрия» — «расчет времени» — говорится о дне Брахмана и т. д.

Нам представляется, что несмотря на определенный традиционализм, свойственный, пожалуй, всем ученым древности, в том числе и древнеиндийским, Арьябхата защищал ряд рационалистических идей, которые можно сопоставить с концепциями философской школы локаятиков — наиболее последовательной материалистической школы древнеиндийской философии. Локаята была единственным философским направлением, последователи которой решительно отстаивали концепцию четырех элементов (земли, воды, огня и воздуха) и категорически отвергали реальность пятого элемента — эфира. Об этом свидетельствуют высказывания, приписываемые локаятикам. В своем трактате «Шаддаршанасамуччая» Харибхадра следующим образом излагает взгляды локаяты: «Для них (т. е. для локаятиков. — Г. Б. Л.) основа сознания четыре элемента (bhūta) (земля, вода, огонь, воздух — pṛthivi, jala, tejas, vāyu...); из сочетания земли и других элементов возникает и тело и т. п. ...; удовольствие от достижения некоторых желанных вещей и отказа от некоторых нежеланных, по их мнению, не имеет никакого смысла (поскольку они практически не отличны от эфира (ākāṣa))»²¹. Таким образом, локая-

¹⁸ См. подр. Mohan Lal Mehta, *Outlines of Jaina Philosophy*, Bangalore, 1954.

¹⁹ И буддийские, и джайнские астрономические концепции, несмотря на определенное сходство с традиционными представлениями, были иными (джайны, например, придерживались взгляда о существовании двух Солнц и двух Лун). Показательно, что последователь Арьябхаты Бхаскара резко выступал против астрономических построений джайнов и буддистов, называя их абсурдными (см. Colebrooke, *Miscellaneous Essays*, стр. 197, 346. Варахамихира также критиковал джайнское учение (учение архатов) о двух Солнцах и двух Лунах (см. *The Pañcasiddhāntikā...*, vol. I, стр. 114; vol. II, стр. 83).

²⁰ В заключительных строках трактата Арьябхата говорит, что он изложил истинную науку — астрономию, которая раньше была объяснена Сваямбху (Gola, 50). Бхаскара, комментируя первую шлоку «Ганиты», где Арьябхата говорит о науке, почитаемой в Кусумануре, отмечает, что Арьябхата следовал «Сваямбхува-сиддханте», которая особенно чтилась учеными в Кусумануре (см. *The Aryabhatīya...*, ed. by K. Śambhava Śāstrī, pt. 1, Введение, стр. 1).

²¹ Shad-Darśana-Samuccaya by Haribhadra, tr. into English with Notes by K. Satśhidananda Murty, Dipavali, 1957, стр. 124, 126; см. также «Антология мировой философии», т. I, М., 1969, стр. 153.

тики все реально существующее считали состоящим лишь из четырех элементов и отрицали реальность эфира. Более того, локаятики, как мы видели, сравнивают с *акашей* понятия религиозного блаженства и греха, с которыми они решительно боролись. Сходные сообщения о взглядах локаятиков приводит и Мадхава в «Сарвадаршанасанграхе»: «Первоначалами эта школа провозглашает четыре элемента (*бхута*) — землю и другие» и далее «В этой школе (признаются) четыре элемента: земля, вода, огонь, воздух»²². А вот характеристика взглядов локаятиков, которую им дает средневековый тамильский философ Арунанди Тевар (XIII в. н. э.), автор известного трактата «Шива-Ньяна-сиддхийяр»: «Воспринимаемые (чувствами) предметы — это элементы... Имена, которыми называют эти (элементы), суть земля, вода, огонь и воздух... Эти (элементы), восхваляемые (локаятиками, которые считают), что они по природе вечны»²³.

В отличие от локаяты остальные философские системы, которые традиция относит к *астике*, в том числе и во многом реалистическая *санкхья*, признавали пять элементов, т. е. допускали существование эфира.

«Концепция четырех элементов» Арьябхаты, несмотря на ее явное совпадение именно с учением локаятиков, не является, однако, единственным аргументом, позволяющим провести параллели между взглядами великого астронома и воззрениями древнеиндийских материалистов. Мы располагаем еще рядом весьма существенных материалов для такого заключения.

Разбирая взгляды индийских ученых на одну из основных проблем мировоззрения — о сути мироздания, Бируни приводит следующее высказывание Арьябхаты и его учеников: «Нам достаточно знать то пространство, которого достигают солнечные лучи, и нам нет нужды в том, куда они не добираются, хотя бы оно было очень велико само по себе. То, до чего не достигают солнечные лучи, не может быть познано чувственным восприятием, а недоступное чувству не может быть познано» (разрядка наша. — Г. Б.-Л.).

В дошедшем до нас сочинении Арьябхаты эти слова, к сожалению, отсутствуют, но переводчик «Арьябхатии» В. Кларк справедливо полагает, что высказывание Бируни основывалось на четвертом «параграфе» (*gīti*) первой главы «Арьябхатии» (*daśagītika*), где говорится о размерах окружности небесного свода и орбиты Солнца²⁴. Можно предполагать, что Бируни опирался в данном случае и на другую работу Арьябхаты, которую он упоминает: на «Тантру» (текст этого сочинения не сохранился)²⁵. Во всяком случае, у нас нет оснований не доверять свидетельству Бируни и сомневаться в правильности основного смысла приводимого им высказывания Арьябхаты и его последователей о непознаваемости того, что не основано на непосредственном чувственном восприятии. Мы вправе вновь поставить вопрос о схожести некоторых идей Арьябхаты со взглядами локаяты.

²² Tatra prthivīyādīni bhūtāni catvāri tattvāni; atra catvāri bhūtāni... . c. Sarva-Darśana-Saṅgraha of Madhavācārya, ed. by Uma Shankar Sharma, Varanasi, 1964, стр. 4, 10.

²³ См. подр. Г. М. Бонгард-Левин, Древнеиндийская культура и материализм (Каутилья и локаята), ВДИ, 1977, № 1.

²⁴ The Āryabhaṭīya..., стр. 14.

²⁵ Бируни, Индия, стр. 163. О «Тантре» Арьябхаты сообщает и Брахмагупта в «Брахмаспхутасиддханте» (X, 62). В «Хронологии» Бируни упоминает индийский астрономический трактат «Дни Арджабхаза», что, очевидно, является передачей санскритского «Āryabhaṭīyam» (см. П. Г. Булгаков, Жизнь и труды Бируни, Ташкент, 1972, стр. 105).

Исходный пункт учения локаятиков — о чувственном восприятии как единственном источнике подлинного знания о мире. Утверждения же религиозных текстов или авторитета ими отвергаются, поскольку они ничего не могут прибавить к представлениям, полученным из опыта. Локаятики постоянно подчеркивали, что предметом их исследования является чувственно воспринимаемый мир, что лишь доступное анализу бытие способно выступать в качестве подлинного объекта умозаключений. «И таково их (т. е. локаятиков.— Г. Б.-Л.) мнение,— писал Харибхадра,— этот мир (века) существует настолько, насколько воспринимается чувствами (indriyagosaṅg)»²⁶. Таким образом, по учению локаяты, границы реальности определяются возможностью ее познания чувственным опытом, вне этого предела говорить о реальности невозможно. Согласно локаятикам, только органы чувств являются средством познания. «Единственное средство познания — чувственное восприятие»²⁷, — так излагает Мадхава эту концепцию древнеиндийских материалистов. Невольно бросается в глаза почти текстуальное совпадение между словами Арьябхаты и его учеников (в передаче Бируни) и высказываниями локаятиков.

Влияние рационалистических идей нашло яркое отражение в астрономических построениях ученого. Арьябхата был первым из астрономов Индии, который выступил с теорией движения Земли вокруг оси при неподвижности звездного неба²⁸. Эта поистине революционная идея резко расходилась с традиционными нормами, ортодоксальными установлениями, идеалистическими концепциями в целом. Великий ученый не принадлежал к тем астрологам, которые, по словам Бируни, приравниваются к священным книгам и традиционным представлениям и угодничают перед хранителями преданий и религиозных догм²⁹.

И не случайно теория Арьябхаты о вращении Земли встретила решительное осуждение не только в кругах жречества, свято оберегающего неприкосновенность «божественного откровения», но и ученых, стоявших на ортодоксальных позициях и угодничавших перед брахманами. Критика труда Арьябхаты была столь решительной, что его концепция в течение длительного времени не получала дальнейшего развития. Уже Варахамихира (начало VI в. н. э.) опровергал теорию Арьябхаты о движении Земли вокруг своей оси; позднее с решительной критикой выступили Брахмагупта (VII в. н. э.), Бхаттопала, Парамешвара и некоторые другие средневековые ученые. Варахамихира в «Панчасаддханнике» (XIII, 6), имея в виду Арьябхату, писал: «Другие говорят: Земля вращается, как если бы была укрепена на гончарном круге, но не созвездия. Но если бы это

²⁶ Shad-Darsana-Samuccaya, стр. 124.

²⁷ См. «Антология мировой философии», стр. 166.

²⁸ См. The Aryabhatīya..., стр. 9, 64, 65.

²⁹ Бируни, Индия, стр. 108, 109. Варахамихира (XIII, 7) приводит и другой аргумент: «Если бы происходило вращение Земли каждый день, то пчелы, гуси и т. д. постоянно оттягивались бы на запад (rassan)». Это удивительно напоминает аргументы, приводимые Птолемеем против концепции вращающейся Земли вокруг оси (он писал, что если бы Земля вращалась вокруг своей оси, то все тела — облака, птицы и т. д. отставали бы от ее движения и перемещались в сторону запада). См. Б. Г. Кузнецов, Эволюция картины мира, М., 1961, стр. 80. Можно предполагать, что Варахамихира заимствовал эти аргументы либо из труда самого Птолемея, либо из других эллинистических сочинений по астрономии, либо из сиддхانت, непосредственно связанных с эллинистической традицией («Romakasiddhanta» и «Paulīśasiddhanta»). В «Панчасиддханнике» Варахамихира ссылается на свидетельства этих сиддхант, а также упоминает (XV, 19) «учителя яванов» (yavanānāṅ guru). Средневековый астроном Притхудака (IX в.), комментатор Брахмагупты, цитирует Арьябхату, приводя следующее его высказывание: «Сфера звезд неподвижна, а Земля совершает вращение» (bharaṇjaraṅ sthira bhūrevāṇṛtyavṛtya...). Разбирая позицию Брахмагупты, Притхудака, однако, присоединяется к мнению Арьябхаты. См. Colebrook, Miscellaneous Essays, стр. 344 сл.

было так, то птицы и другие не возвратились бы с небес к своим местам обитания»³⁰. Варахамихира придерживался традиционного брахманского взгляда о вращении звезд вокруг священной высочайшей горы Меру и считал, что Земля неподвижна, а Солнце, Луна и другие планеты вращаются вокруг нее.

Брахмагупта, отвечая сторонникам концепции вращения Земли (судя по Бируни, он имел в виду именно последователей Арьябхаты), писал: «Если Земля движется, то почему же тогда не падают высокие предметы»³¹. Он называл мнение Арьябхаты ошибочным (*pūrvapakṣa*). Бхаттоптала повторял аргументы Варахамихиры в своем отрицании идеи неподвижности звезд и движения Земли. «Если бы Земля двигалась, то птицы, (взлетая на небо), не смогли бы вновь отыскать своих гнезд»³². По словам Бируни, Браhmaгупта отбрасывал правду и поддерживал ложь, был ослеплен в своей ненависти к Арьябхате, упрекая его за отход от концепций, изложенных в священных брахманских «законах» — *смитри*.

Концепция Арьябхаты о движении Земли настолько противоречила традиционным взглядам, была столь смелой в условиях возрастающего влияния религиозных идей ортодоксального индуизма, что даже Лалла (VIII в. н. э.), один из его верных последователей, отказался следовать за этой концепцией и поддержал общепринятую брахманскую трактовку. Комментарий «Арьябхатии» Парамешвара не только упрекал Арьябхату в ложном знании (*mithyājñāna*), не только интерпретировал его текст в противоположном смысле³³, но даже менял слова оригинала, чтобы приписать древнеиндийскому астроному традиционную трактовку и доказать, что Арьябхата никогда не выступал с идеей вращения Земли (так, в тексте I, 4 он изменил ключевое слово *bhūh* — Земля — на *bham* — звезда, планета вообще)³⁴. Выдвинув концепцию вращения Земли и тем самым выступив против ортодоксальной теории вращения звезд вокруг Меру, Арьябхата, естественно, не мог принять брахманистско-пураническую идею о невероятной высоте священной горы. В своем труде (IV, 11) он «уменьшил» размеры Меру до одной *йоджаны*, т. е. придал ей вид обычной невысокой горы (согласно, например, «Матсья-пуране», высота Меру — 86 000 *йоджан*).

Своей теорией о причинах солнечных и лунных затмений Арьябхата посягнул на одно из важнейших космогонических учений ведизма и индуизма, фактически открыто выступил против господствующей в тот период брахманской идеологии. На протяжении многих столетий, начиная уже с ведийской эпохи, жрецы-брахманы оберегали незыблемость мифа о пахтании океана и демоне Раху. В священных текстах повествуется о том, как на высочайшей горе Меру — центре мироздания — собрались боги в надежде найти *амриту* — «напиток вечной жизни», дабы избавить себя от старения и смерти и победить своих постоянных соперников — асуров. Всесильный бог Вишну посоветовал им заключить мир с асурами и совместными усилиями вспахать океан, чтобы добыть дарующую бессмертие *амриту*. После долгих и изнурительных попыток удалось, наконец, наполнить сосуд *амритой*. С нетерпением жаждали испить священный напиток асуры, но Вишну, спасая мир от злодеяний, спрятал бесценный дар и отдал его богам. Гнев охватил асуров, потерявших надежду на бессмертие. Но одному из них — Раху все же удалось изведать *амри-*

³⁰ См. *Brāhmasphuṭasiddhānta*, XI, 17, ук. соч., стр. 153.

³¹ Kerr, *On Some Fragments...*, стр. 376.

³² Бируни, Индия, стр. 330, 436.

³³ См. *The Āryabhaṭīya...*, стр. 65.

³⁴ Правильность чтения *bhūh* доказывается текстом Браhmaгупты (*Brāhmasphuṭasiddhānta*, XI, 17).

ту: он принял образ бога и уже было прильнул к сосуду, как Солнце и Месяц разгадали его хитрость и коварство. Разгневанный Вишну отрубил демону голову. Бездыханное тело свалилось с небес, но голова осталась навеки бессмертной — ведь Раху успел все же сделать глоток *амриты*. С тех пор гоняется голова демона по небу, преследуя Солнце и Месяц, пытается схватить и проглотить эти светила. Когда она их настигает и на время заглатывает, происходят солнечные и лунные затмения.

Так записано в священных религиозных текстах древних индийцев, так объясняли затмения брахманские богословы. Арьябхата был первым, кто не только усомнился в справедливости этой традиции, но и создал научную теорию, которая показывала полную абсурдность жреческих спекуляций. «Луна затмевает Солнце и Земля своей огромной тенью затмевает Луну», — писал Арьябхата. — «Когда в конце истинного лунного месяца (т. е. в новолуние) Луна, находясь вблизи одной из точек пересечения орбит (Луны и Солнца), заслоняет Солнце, или когда в конце половины месяца (т. е. в полнолуние) Луна входит в тень Земли, это есть середина затмения, которые происходят иногда до, а иногда после конца истинного лунного месяца или половины месяца» (Gola, 38).

Понятно, какую реакцию должно было вызвать это утверждение ученого у защитников ортодоксальных взглядов, не говоря уже о самих брахманах. «(Мнение), высказанное Арьябхатой ... и другими, — писал Брахмагупта (XXI, 39, 40), — направлено против общепринятых (идей) (*lokaviruddha*) и чуждо ведам, смрити и самхитам (*vedasmrtisamhitāvāya*). В самхитах, составленных Гаргой и другими, говорится, то (Раху) является причиной затмения, а если бы это было не так, то не было бы вознаграждения (брахманам) за приношение масла богам, произнесения жертвенных формул и за (исполнение) других видов ритуала»³⁵. По словам Брахмагупты (XI, 52), Арьябхата был «чужаком сферы» (*golavāhya*)³⁶, имея, очевидно, в виду его антиортодоксальную трактовку проблем мироздания. Эти сообщения Брахмагупты³⁷ вновь позволяют нам провести аналогии между позицией Арьябхаты и взглядами локаятиков: отношение их к брахманским догмам было схожим.

Во всех текстах, которые можно соотнести с локаятиками, выражен решительный протест против традиционного утверждения о святости вед и смрити, против привилегий жречества и религиозных ритуалов. Священные гимны вед, говорили локаятики, «отличаются тремя пороками: лживостью (*anṛta*), противоречием (*vyaghata*) и тавтологией (*punarukta*). Едкой насмешке подвергались брахманские ритуалы. Жрецов — знатоков вед материалисты прямо называли мошенниками: «Агнихотра, три веды, триданда и посыпание себя пеплом — все это лишь способ прокор-

³⁵ *yadyevam grahanaphalam gargādyah samhitāsu yadabhihitam | tadabhāve homajapasnānādīnam phalabhāvah ||* (Brahmasphutasiddhānta..., XXI.40 ук. изд., стр. 372).

³⁶ Или «конфликтующим со сферой». Комментарий Пртхудакасвамина показывает, что Брахмагупта так называл именно Арьябхату (см. The *Raṅgasiddhāntika*..., vol. I, стр. 23, прим. 49). Таково же мнение и издателя труда Брахмагупты (см. ук. изд. «Брахмаспхутасиддханта», стр. 167). В XXII, 2 Брахмагупта отмечал: «Поскольку сфера (*gola*) не понималась Арьябхатой и другими, (в моем труде) сфера Брахмы изложена точно» (т. е. Брахмагупта прямо противопоставлял учение Арьябхаты брахманской концепции).

³⁷ В своем труде «Брахмаспхутасиддханта» (X, 62) Брахмагупта старался поставить под сомнение и ценность высказанных Арьябхатой научных идей. «Того, кто знает труды (*tantras*) Арьябхаты... нельзя назвать учителем (*ācārya*), лишь тот достигает статуса учителя, кто знает вычисления в соответствии с Брахмой» (т. е. «Брахмасиддханта»).

мления тех, кто лишен мудрости и трудолюбия», — такое высказывание приписывается локаятикам в «Сарвадаршанасанграхе»³⁸.

В своем сочинении Мадхава, излагая учение локаятиков о тождестве души и тела, пишет: «Выражение „мое тело“ употребляется так же иносказательно (метафорично — *urasaṅka*), как и выражение „Голова Раху“»³⁹. Переводчики трактата Е. Коуэл и А. Гаф понимали метафоричность сообщения о голове Раху в том смысле, что Раху в действительности и есть сама Голова⁴⁰. Однако это свидетельство может быть истолковано по-другому. Во-первых, следует иметь в виду сам факт упоминания Раху в тексте, приписываемом локаятикам, которые, безусловно, отрицали традиционный брахманский взгляд на Раху как причину затмений. Поэтому можно полагать, что локаятики в данном случае говорили о Раху как о метафоре абсурда, которой они нередко пользовались (например, «рога зайца», «сын бесплодной женщины» и т. д.). В этом случае понятно сравнение локаятиками выражения «Голова Раху» с выражением «мое тело» для отрицания души отдельно от тела (по словам локаятиков, «только тело есть душа и ничто иное») ⁴¹.

Предлагаемое нами толкование подтверждается свидетельством Варахамихиры, который вслед за Арьябхатой был против ортодоксальной концепции о появлении затмений в связи с Раху. В своем труде «Брихатсамхита» (V, 8—15) Варахамихира как бы излагает теорию Арьябхаты («во время затмения Луна вступает в тень Земли, во время солнечного затмения — Солнце») и отмечает: «истина науки может быть выражена так: „Раху здесь не при чем“... С тех пор имя „Раху“ стало метафорическим выражением» (*urasaṅgāte gāhuh*)⁴².

Аналогичный подход Арьябхаты и локаятиков к оценке «деятельности» Раху может служить еще одним аргументом в пользу нашего вывода об определенном влиянии рационалистических и материалистических идей на творчество великого древнеиндийского астронома. Обращает на себя внимание и тот факт, что жизнь Арьябхаты и его последователей была связана с Деканом и Южной Индией, т. е. районом, где особенно были сильны позиции локаяты. Так, последовательный сторонник идей Арьябхаты современник Варахамихиры Бхаскара I также происходил из Ашмаки. Рукописи труда Арьябхаты сохранились в Южной Индии: издатели «Арьябхатии» Х. Керн и К. Самбашива Шастри пользовались малайяламскими рукописями. Работы Арьябхаты были весьма популярны в Керале и некоторые их средневековые комментаторы были известны как «жители Кералы» (*keraliyas*), например, комментаторы «Арьябхатии» Парамешвара (XIV—XV вв. н. э.) и Нилакантха (XV—XVI в. н. э.)⁴³. О влиянии взглядов локаятиков в Южной Индии в эпоху средневековья ясно свидетельствуют тамильские источники и эпиграфика Карнатака X—XV, исследованная Б. А. Салеторе⁴⁴. Можно полагать, что и в более ранний период во времена Арьябхаты идеи локаяты были весьма популярны в Декане.

³⁸ *agnihotram trayo vedastrīdandam bhasmagnathanam buddhipaurusahinānam jivika dhāt-nirmita*; см. *Sarvadarśanasamgraha* by Madhava Acharya, tr. by E. B. Cowell, A. E. Gough, Varanasi, 1961, стр. 10.

³⁹ *mama śarīram* 'iti vyavahāro 'rahoḥ śiraḥ ityādivadaupacārikah.

⁴⁰ *Sarvadarśanasamgraha* by Madhava Acharya, ук. соч..., стр. 5.

⁴¹ См. «Антология мировой философии», стр. 168. Шанкара в комментарии на «Брахма-сутру» приводит следующие слова локаятиков: «Я — это только тело, одаренное разумом» (см. P. D e u s e n, *The System of the Vedānta*, Delhi, 1975, стр. 126).

⁴² *Varahamihira's Brihat Samhita with an English Translation and Notes* by V. Subramanya Sastri, vol. I, Bangalore, 1947, стр. 48, 49.

⁴³ *The Āryabhatīya of Āryabhatācārya with the Bhasya of Nīlakaṅṭhasomasvatvan*, ed. by Śāmbaśiva Śāstri, pt. 1, Trivandrum, 1930, Introduction, стр. 1.

⁴⁴ B. A. S a l e t o r e, *Historical Notices on Lokayatikas*, «Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute», vol. XXIII, 1942, стр. 386—397; см. также

Древнеиндийские астрономы не стояли в стороне от общих процессов развития науки и философии, они знали об острой идейной борьбе между представителями различных философских школ и направлений. Можно упомянуть, в частности, ценнейшее свидетельство Варахамихиры, на которое не было обращено должного внимания современными исследователями, хотя его привел в своем труде уже Бируни⁴⁵. Речь идет о вступительной части «Брихатсамхиты». Варахамихира причисляет себя к последователям традиционного учения, изложенного первым мудрецом Брахмой, и затем излагает различные теории о возникновении мироздания. Приводится ортодоксальный взгляд (I, 6): с самого начала была темнота, затем возникла вода, из нее появилось золотое яйцо, состоящее из двух частей, потом возник первосоздатель с Солнцем и Месяцем — его очами. Следующая шлока содержит перечисление концепций других религиозно-философских и философских школ:

kapilaḥ pradhānamāha dravyādin kanabhūgasya viśvasya |

kālam kāraṇameke svabhāvamāpāre jaguḥ karma ||⁴⁶

«Капила заявил о *прадхане* (как о материальной) первопричине, Канада (досл. в тексте „пожирающий атомы“, т. е. создатель атомической теории происхождения мира. — Г. Б.-Л.) о *дравьях* в качестве первопричины всего существующего, некоторые полагают, что *время* — первопричина вселенной, другие первопричиной считают *свабхаву*, некоторые провозглашают *карму* первопричиной мира» (курсив наш. — Г. Б.-Л.). Не вдаваясь подробно в анализ этого отрывка, отметим лишь, что Варахамихира упоминает о санкхье, вайшешике, свабхава-ваде и фактически излагает суть их учений. Хорошо известно, что именно локаята последовательно придерживалась концепции *свабхавы*, т. е. возникновения всего существующего в силу внутренней природы материальных субстанций и тем самым решительно отвергала вмешательство бога или других сверхъестественных существ в процессе мироздания⁴⁷ (раннюю санкхью также иногда причисляют к свабхава-ваде, но Варахамихира упоминает об учении Капилы — мифического основателя санкхьи — наряду с последователями концепции *свабхавы*, поэтому можно предполагать, что под доктриной свабхавы здесь имеются в виду локаятики⁴⁸, хотя свабхава-вада как особая школа существовала уже с эпохи упанишад)⁴⁹. Естественно допустить, что младший современник Варахамихиры Арьяхата был знаком с концепциями философских школ, упоминаемых в «Брихатсамхите», но именно рационалистические идеи, в том числе древнеиндийских материалистов, оказали на его научные концепции особое влияние.

Было бы, однако, грубой вульгаризацией объявлять Арьяхату материалистом и считать его последовательным локаятиком. Приходя в своих научных изысканиях к ряду рационалистических идей, близких к некоторым концептуальным положениям школы локаятиков, Арьяхата не мог полностью порвать с традиционными нормами и идеями, столь

И. Д. Серебряков, К вопросу об источниках истории и хронологии материализма в Индии, «Индийская культура и буддизм», М., 1972, стр. 78—81.

⁴⁵ Бируни, Индия, стр. 289.

⁴⁶ См. Varahamihira's Brihat Samhita..., ук. изд., т. I, стр. 3.

⁴⁷ Ср. у Мадхавы — «Ибо все в мире совершается в силу внутренней природы (*свабхава*) самих вещей», см. «Антология мировой философии», стр. 170.

⁴⁸ В пользу такого заключения свидетельствует комментарий Бхаттотпалы к данному отрывку «Брихатсамхиты»: «Другие, то есть сторонники локаяты, заявляли, что причиной мира является *свабхава*» (цит. по Д. Чаттопадхьяя, Индийский атеизм, М., 1973, стр. 68). По мнению Д. Чаттопадхьяя, доктрина *свабхавы* в поздней философской литературе Индии постоянно и решительно приписывается локаятикам (там же).

⁴⁹ См.¹ В. Вагва, A History of Pre-buddhistic Indian Philosophy, стр. 198. Здесь же см.: o kalavāda.

живучими и стойкими в его эпоху, хотя он и пошел дальше тех астрономов, которые, по словам Бируни, следуют за богословами во всем, что не противоречит их науке⁵⁰. И это, очевидно, было вполне естественно, особенно если учесть всю предшествующую традицию, на которую он опирался, и тот факт, что Арьябхата, будучи, очевидно, сам выходцем из брахманского сословия и получивший традиционное образование, фактически был первым в истории индийской науки ученым, столь решительно выступившим против многих основоположений брахманизма и индуизма. Можно высказать также предположение и о том, что «брахманистские сюжеты» были для Арьябхаты данью традиции, особенно прочно укоренившейся в древнеиндийской науке «о вневременной сфере», своего рода необходимой ширмой, позволявшей стороннику антиортодоксальных взглядов открыто изложить свои подлинно научные идеи и тем самым сохранить их для будущих поколений. (Ни одного сочинения самих локаятиков, как известно, до нас не дошло).

Разрабатывая свои теории, Арьябхата опирался не только на многовековой опыт древнеиндийских ученых, но и творчески использовал культурные достижения других народов. «Арьябхатия» ясно свидетельствует о знакомстве ее автора с некоторыми астрономическими теориями античной эпохи. Излагаемая Арьябхатой теория о движении планет по эпициклам несет на себе явные следы влияния эллинистической школы астрономов, — возможно, она непосредственно связана с работами Клавдия Птолемея, знаменитый труд которого «Альмагест» был весьма популярен на Ближнем и Среднем Востоке в течение многих столетий. Есть основания полагать, что отправной точкой для составления таблиц синусов, которые мы находим в астрономическом разделе «Арьябхатии», послужили таблицы хорд, введенные в первые века н. э. эллинистическими учеными, прежде всего — александрийскими астрономами⁵¹.

Творческий подход Арьябхаты к использованию «чужеземных» научных достижений также противоречил позиции ортодоксального жречества, доказывавшего всеохватывающий характер, непоколебимость и всеислие брахманского учения и рассматривавшего «священное писание» как вечный и непререкаемый авторитет, окончательное откровение «всезнающего существа». Отстаивая традиционные нормы, Брамагупта резко критиковал чужеземные астрономические трактаты, теории и идеи, считая их использование отходом от правил, изложенных в брахманских «законах» — смрити. Он не скрывал своего враждебного отношения к научным концепциям греческих астрономов, заявляя, что «„Ромака“, т. е. учение, излагаемое александрийскими астрономами, — отклоняется от смрити» (smrtivahyo romaka)⁵².

Древние индийцы довольно рано узнали не только об астрономических, но и астрологических представлениях греков, однако отношение местных ученых к собственно астрономической проблематике не было однозначным. Это наглядно видно при сопоставлении трудов Арьябхаты и Варахамихиры.

Варахамихира был прежде всего астрологом, увлеченно занимался составлением гороскопов, и не случайно, что в его сочинениях особенно заметно влияние греческой астрологии. Здесь встречаются названия всех 12 зодиакальных созвездий, непосредственно восходящие к греческим формам. Показательно, что в «Брихатсамхите» (II, 14) Варахамихира приводит следующее высказывание, взятое им из труда индийского ученого Гарги (I в. до н. э.): «Греки — поистине варвары, но у них „наука

⁵⁰ Бируни, Индия, стр. 247.

⁵¹ В IV, 15 встречается слово *hora* в значении «час» (ср. греч. *ώρα*).

⁵² *Brahmasphuṭasiddhanta*, I.13, ук. изд., стр. 5.

о судьбе“ (астрология) развита весьма сильно. Поэтому даже их следует чтить как риши»⁵³ (т. е. как священных брахманских мудрецов).

Увлечение Варахамихиры именно астрологическими построениями хорошо объяснимо его общей идейной позицией. По словам Бируни, Варахамихира «временами высказывался заодно с брахманами, к которым принадлежал и тесное общение с которыми было для него неизбежно»⁵⁴. Иное дело Арьябхата. Если в творчестве Варахамихиры астролог постоянно брал верх над астрономом, то Арьябхата последовательно разрабатывал проблемы астрономии (хотя о четком водоразделе между научной астрономией и астрологией для эпохи индийской древности можно говорить лишь весьма относительно). Арьябхата, как показывает его труд, также был знаком с античной астрологией (он соотносит дни недели с определенными созвездиями — III, 16), но к «астрологическим сюжетам» ученый не проявлял сколько-нибудь серьезного внимания⁵⁵. Более того, естественно предположить, что Арьябхата, будучи приверженцем рационалистических идей и оппонентом ортодоксальных концепций, в своих научных поисках сознательно уходил от разбора всевозможных «астрологических спекуляций», столь популярных среди брахманских богословов в различные периоды развития ведийско-индуистской традиции.

Арьябхате было всего 23 года, когда он писал свой замечательный труд — «Арьябхатию». О его дальнейшей судьбе нам, к сожалению, ничего не известно, но вряд ли можно сомневаться в том, что открытые нападки на взгляды Арьябхаты брахманской ортодоксии и религиозных фанатиков сделали жизнь ученого трудной, полной злостных обвинений и настойчивых преследований. «Перед лицом того, кто познал движение планет (из моего труда), последователи Арьябхаты... — писал Брахмагупта, — не дерзнут выступить публично как антилопы перед пастью льва»⁵⁶. Таким образом, сторонников традиционных идей он сравнивал со львом, который легко может расправиться с антилопой, олицетворяющей собой защитников взглядов Арьябхаты. Эта угроза, очевидно звучала и при жизни Арьябхаты. «Тот дваждырожденный, — гласят «Законы Ману», — который, опираясь на логику (*haituka*), презирает (священное писание и священное предание), должен быть изгнан добродетельными (людьми) как *настика* и хулитель Веды» (II, 14). Комментаторы «Манусмрити» Медхатитхи и Куллукабхатта под *хайтуками* и *настиками* имели в виду локаятиков⁵⁷.

Невольно вспоминается судьба древнегреческого астронома Аристарха Самосского (III в. до н. э.), писавшего о движении Земли вокруг своей оси: ученый был изгнан из Афин, так как его взгляды «лишали богов покая». Можно предполагать, что не только взгляды Арьябхаты осуждались

⁵³ *mlecchā hi yavanāsteṣu samyak śāstramidaṃ sthitam ṛṣivatte'pi pūjyante* и далее в тексте *kiṃ punar daivaviddvijāḥ* (т. е. «так как же должен быть чтим астролог, если не из дваждырожденных?») см. Varahamihira's Brihat Samhita, ук. изд., vol. I, стр. 19. О принадлежности этих слов Гарги см. Bṛhatsamhita, ed. by H. Kern, Calcutta, 1865, стр. 35. Мы полагаем, что в тексте речь идет об астрологии, а не об астрономии (см. S. R. Das, The Alleged Greek Influence on Hindu Astronomy, IHQ, 1928, vol. IV, стр. 70—75), хотя некоторые авторы следуют иному толкованию (см., например, R. A. J a i r a z b h o y, Foreign Influence in Ancient India, Bombay, 1963, стр. 79). Датировка трактата Гарги условна. См. The Pañcasiddhāntikā, ук. изд., т. II, стр. 81.

⁵⁴ Бируни, Индия, стр. 436.

⁵⁵ См. Oeuvres de Auguste Barth, vol. III, P., 1917, стр. 151.

⁵⁶ «Брахмаспхутасиддханта», I, 62: *madhyagatijñam vikṣaya śriṣeṇāryabhatavispu-candrajñāḥ sadasi na bhavantu abhimukhaḥ siphāṃ dṛṣtvā yathā hariṇaḥ* (Brahmasphutasiddhanta, ук. соч., стр. 21).

⁵⁷ См. Д. Ч а т т о п а д х њ я я, Локаята даршана. История индийского материализма, М., 1961, стр. 59; Kewal Krishan Mittal, Materialism in Indian Thought, Delhi, 1974, стр. 43.

и искажались, но и его труды, подобно сочинениям локаятиков, сознательно предавались забвению ортодоксальными брахманами, не переписывались, а это в условиях индийского климата было равносильно уничтожению (из богатого наследия ученого сохранился лишь один его трактат). Отношение ортодоксальной традиции к научному наследию Арьябхаты удивительно напоминает позицию ведантистов к учению локаятиков и к материалистическим идеям санкхьи и вайшешики. Бадараяна, Шанкара и другие последователи веданты решительно боролись с концепциями этих школ, сознательно искажали суть их взглядов, приписывали чуждые им идеи, упрекали в примитивизме и безнравственности. Ведантисты резко критиковали локаяту и раннюю санкхью за отход от священных текстов — вед и шрути, апеллировали, подобно Брахмагупте, к непоколебимому авторитету «Ману-смрити».

Известный исследователь истории древнеиндийского материализма Дебипрасад Чаттопадхья в своей книге «Локаята даршана» писал: «Ученым, в том числе и мне, фактически не осталось даже возможности для открытия какого-либо нового факта о локаяте» (стр. 10, 11). Приведенные нами материалы не дают, как думается, достаточных оснований для столь пессимистического утверждения. Поиски новых свидетельств о древнеиндийских материалистах должны быть продолжены.

ANCIENT INDIAN CULTURE AND MATERIALISM

G. M. Bongard-Levin

The author discusses the work of the eminent Indian astronomer Aryabhata and shows that his views were nearly related to the rationalist tendency in the evolution of ancient Indian philosophical thought. This helps to explain the sharp criticism directed at Aryabhata's ideas by orthodox Brahman circles and to arrive at a clearer notion of the connection between ancient Indian science and rationalist and materialist thought, which played a considerable role in the development of the Indian cultural tradition as a whole.
